

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК

ГЭМ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
Р37

Серия «Эксклюзивная классика»

Erich Maria Remarque

GAM

First published in the German language

Перевод с немецкого *Н. Федоровой*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Печатается с разрешения издательства
Verlag Kiepenheuer & Witsch GmbH & Co. KG.

Ремарк, Эрих Мария.

Р37 Гэм : [роман] / Эрих Мария Ремарк ; [пер. с нем. Н. Федоровой]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-982919-5

Роман «Гэм» относится к раннему периоду творчества писателя и является попыткой Ремарка проникнуть в психологию свободной женщины.

Гэм путешествует по миру в поисках впечатлений и страстей...

Роскошь высшего света и экзотика самых дальних уголков Юго-Восточной Азии, погони и убийства...

Читателю откроется очень непривычный Ремарк. Ремарк, еще не успевший стать реалистом.

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

© The Estate of the late Paulette Remarque, 1924

© Verlag Kiepenheuer & Witsch GmbH & Co. KG, Cologne/Germany, 1998

© Перевод. Н. Федорова, 2017

© Издание на русском языке
AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-982919-5

I

Бедуины в бурнусах кофейного цвета то-ропливо проскакали мимо. Пахло от них верблюжьим навозом и пустыней. За мавзолеями мамлюков кавалькада вытянулась длинной вереницей на фоне невероятно чистого неба и помчалась во весь опор, будто намереваясь взять это небо штурмом.

Гэм смотрела вслед всадникам, пока их силуэты не исчезли из виду. Только тогда она нерешительно оторвала взгляд от горизонта и опять обернулась к городу. Смутное беспокойство гнало ее по улицам. У случайного торговца подвернулось старинное издание «Дивана» Абу Нуваса*. Томик в блеклом кожаном переплете. Каждой из семнадцати песней предпослана иллюстрация. Чистый бирюзовый тон, снова и снова.

* Абу Нувас (747 или 762 — между 813 и 815) — арабский поэт, автор любовных и гедонистических стихов. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.*

Гэм решила, что как раз эту книгу и искала. Поспешно расплатилась и ушла с базара в странном замешательстве, которое ощущала очень сильно именно оттого, что не знала, чем его объяснить.

Норман ждал Гэм, чтобы познакомить с сыном одного из своих друзей, Клерфейтом, который взялся доставить ее в Луксор на самолете. Вылететь можно уже через час. Сам он придет на следующий день, экспрессом.

Они немедленно отправились на аэродром. Клерфейт пристегнул Гэм к самолетному креслу и запустил двигатель. Когда она глянула вниз, узкие улочки Каира были уже глубоко внизу. Горизонт отступал вдаль; каменный массив Мокаттама распался на ущелья и плато. Затем навстречу хлынула пустыня, и самолет устремился к широкому Нилу.

Неподалеку от Хелуана они обогнали две увеселительные барки. Пассажиры на палубе махали им вслед. Гэм бросила вниз шляпу. Ветер свистел в волосах — как же неистова и стремительна жизнь!

Она откинулась на спинку кресла. Клерфейт сидел впереди; над ним возвышались какие-то конструкции, и он казался неотъ-

емлемой их частью — не человек, а воплощение полета...

Пейзаж, чуть размытый вихрем пропеллера, окрасился золотом; наступал вечер. Деревенские псы во весь дух бежали вдогонку за огромной птицей, ослы застывали как вкопанные, какая-то феллашка упустила стиранное белье, пароходы исторгали блестящие дымы — мир выглядел словно полотно старого голландского мастера.

У Асьюта Клерфейт начал снижение. Гранатовые рощи возле гавани и фиговые сады Эль-Хамры взвились вверх, то справа, то слева над бортом показывалась пароходная пристань, шасси мягко коснулись земли, самолет покотился по летному полю и наконец стал.

Ступив на землю, Гэм пошатнулась. Арабы толпой бросились к самолету; следом подъехал автомобиль и затормозил прямо перед ней. Она увидела руку с крупным опалом на пальце. Лунки ногтей были темными. Креол открыл дверцу, выпрыгнул из авто и предложил свои услуги. Клерфейт, не отвечая ему, отправил одного из арабов за полицейской охраной для аэроплана и только потом согласился принять помощь — с подчеркнутой

благодарностью, в которой креол явно услышал пренебрежение.

Креол привез их в гостиницу, прощаясь, склонился перед Гэм. Руку Клерфейта он будто и не заметил. Тот скривил губы — креол вспыхнул и едва не кинулся на него с кулаками, но Клерфейт с невозмутимым презрением уже отвернулся.

Вечером Клерфейт показал Гэм гробницу номарха Хап-Тефы. На обратном пути по автомобилю кто-то выстрелил.

— Креол, — сказал Клерфейт, затормозил, вышел из машины и, стоя в лунном свете, стал ждать. Никто не появился, и Клерфейт снова сел за руль.

Ароматы ночи набирали силу. Вдоль дороги стояли пальмы, точно вырезанные из черного стекла. Мимо бежали сонные хижины с редкими огоньками, порой доносился приглушенный собачий лай.

В гостинице Клерфейт немедля распахнул окна настежь. Огромное ночное небо хлынуло внутрь, захлестнуло комнату волнами синевы и серебра, следом влетел ветер, залепетал, запел, порывисто дыша, небо — словно узкая, твердая ладошка, а ветер — смуглый, жаркий шепот. Гэм вся напряглась: что это — шум нильских вод, гул пропеллера,

блеск самолетных плоскостей в потоках лунного света, крик сокола? Клерфейт одним прыжком очутился рядом с нею.

Гэм проснулась, когда за окнами уже шумело утро. На реке гудели отплывающие пароходы. Переполненная волнением, она вскочила, дрожа от прохладной свежести воздуха. Вошел Клерфейт. Хищно-свежий, как само это утро, он пружинисто шагнул к ней по ковру, и в его лице ничто не дрогнуло при виде ее восхитительно длинных ног. Клерфейт принес Гэм бронзовую кошку эпохи Аменхотепа IV, фигурка отличалась чрезвычайно благородными очертаниями, особенно изящной была линия от передней лапы к щеке. На затылке у кошки имелось маленькое углубление.

— Через два часа летим дальше, — сообщил Клерфейт.

Ни единым движением он не выдал, что помнит о ночи. Гэм вдруг развеселилась и убежала в ванную.

Самолет стоял неподалеку от запруды, где трудилась бригада коптов. В ароматах утра пустыня была как сон, неопишимо прекрасный в голубой и фиолетово-красной

прозрачности. Лошади арабов испугались старта и припустили вскачь — белые бунусы голубиной стаей взметнулись в солнечный воздух.

Недалеко от Абидоса мотор подавился и заглох. Подхваченный вихрем, самолет рывком вошел в пике. Земля, точно кратер, мчалась навстречу в реве ветра — как вдруг мотор несколько раз коротко кашлянул, затрещал, взвыл, снова заработал, самолет выровнялся.

Гэм чувствовала только шум крови в ушах, казалось, весь мир вот-вот взорвется. Клерфейт оглянулся. От возбуждения ее глаза были огромными; губы ярко алели на побледневшем лице. Он что-то крикнул, но Гэм, безраздельно захваченная ощущением полета, не поняла его слов. Внизу раскинулась бескрайняя равнина с руинами и погребальными храмами давным-давно погибшей культуры. Тень самолета скользила по ним, точно торопливая стрелка времени. Погребальный храм Рамсеса II пропал из виду, и Мемнониум Сети I был уже только именем и воспоминанием, и алтари Осириса тоже скрылись в летучих песках пустыни. Но мерцающее небо мостом соединяло все эпохи, билось в крови, заставляло сердце

стучать быстрее, созидало настоящее, созидало жизнь. Минувшее потускнело в его сиянье, и Гэм захлестнуло могучее ощущение Здесь и Сейчас, которое мгновенно претворяло грезы и желания в спелые плоды.

Кольшущееся, скользящее, летучее раскрылось, будто цветок, первый, ясный взор; ласковая встреча, безотчетно долгожданная и все-таки неожиданная, свершилась и миновала, полная предчайний грядущего.

Клерфейт собирал бронзовую скульптуру, и Норман предложил ему осмотреть коллекцию одного из своих знакомых. Вечером они отправились туда.

Автомобиль долго петлял в фантастических переулках квартала Булак и наконец затормозил у приземистого дома. Женщина-берберка впустила их и повела за собой — сначала по ступенькам, затем по извилистому коридору. Вот блеснули звезды в арке каких-то ворот, и они очутились в четырехугольном, окруженном высокими стенами дворе, посередине которого плескал фонтан. Прямо впереди четко вырисовывались в лунном свете мавританские двери. Вспыхнул свет, мужчина вышел во двор, поздоровался с Норманом и Клерфейтом — Равик.

Еще несколько человек сидели и лежали в полумраке на шкурах и коврах. Берберка принесла шербет и зеленую воду со льдом. Лишь немного погодя Клерфейт заметил у себя за спиной негритянку. Глаза ее блестели, волосы под мышками пахли резко, но не противно.

— Go... go...* — проворковала она, вытягивая покрытые синей татуировкой ноги.

Послышалась негромкая музыка. Клерфейт прилег на подушки; негритянка тихонько вторила мелодии. Ему казалось, будто он в негритянском краале, в дебрях африканского буша. Племя возвратилось из грабительского набега на фабрику, и теперь все усталые и ленивые валяются в хижине, набив желудок бычьим мясом и помбе**. В углу жмутся пленные белые женщины, чья бледная кожа манит и возбуждает мужчин куда сильнее, чем все женщины племени. Наступает ночь, кругом тишина, лишь изредка тявкают шакалы. На следующее утро и в другие дни снова будут схватки и добыча...

Из угла донесся смех. Одна из женщин приподнялась, хотела встать. Ее прическа

* Давай... давай... (англ.)

** Помбе — африканское пиво из проса.

напоминала шлем. Мелькнуло блестящее колено, открытый влажный рот. Чья-то рука схватила женщину, притянула назад. Берберка бесшумно принесла Клерфейту благовонную амбру.

Размышляя о Гэм, он задумчиво смотрел на Нормана, которому негритянка массировала затылок. Мало-помалу им завладевал дух подспудного, жгучего мужского соперничества, неизъяснимый флюид тайных первобытных инстинктов; ненависть, презрение, враждебность и злобное животное желание расплзались в его мыслях, он растопырил пальцы, сжал их в кулак. Потом отвернулся.

Однако нашептывания не умолкали. Они свивались клубком, точно затаившиеся змеи, и опутывали Клерфейта, меж тем как он смотрел в потолок.

Какой-то карлик кривлялся в танце — тяжелой похотью веяло по комнате от этого горбатого создания. Негритянка перестала напевать, она что-то тихонько ворковала Норману на ухо. Берберка мимоходом коснулась Клерфейта. Из угла потребовали напитков.

Металлический звон гонга — и тотчас глухо зарокотал барабан. У высокого негритянского тамтама стоял юноша, судя по

внешности, скорее всего нубиец. Палочки выбивали странно возбуждающий, однообразный ритм. Но как раз это однообразие сообщало глухим звукам неодолимую силу, а само забывалось на фоне порожденного им чувства, под его монотонным воздействием развязывались узлы эмоций, из глубин всплывало бессознательное, возникало примитивное, не было уже ни дроби тамтама, ни такта, только ночь и первобытные звуки, бессловесные инстинктивные порывы, крики над лесами, вопли леопардов и любовный рев буйволов; имя и человеческий образ отпадали за ненадобностью, пятнистая и жаркая, вскипала звериная древность, затопляла все и вся... Клерфейт даже не почувствовал, как негритянка прихватила зубами его руку; повинувшись жаркому зову собственной крови, он вскочил, сжал кулаки, внезапно ощутил негритянку, не глядя, резко оттолкнул ладонью ее лицо, огляделся, по-кошачьи ища драки, что-то смутное, упругое, животное неудержимо рвалось из него наружу, он увидел Нормана, судорожно вздернул верхнюю губу, оскалив зубы, прошипел какое-то слово, заставившее того отпрянуть, и, весь дрожа от напряжения, медленно отчеканил прямо в лицо побледневшему сопернику:

— Какая все-таки... прелесть... страстные... возгласы Гэм...

Женщина в углу хрипло вздохнула и вдруг с воплем вскочила, отпихнула барабан, вцепилась руками в плечи нубийца. Но берберка зверем метнулась к ним, оторвала ее от юноши, замолотила кулаками по светлым волосам, впилась зубами в гладкое плечо... пыхтящий клубок покотился по полу, перепуганный юнец убежал.

С каменным лицом Равик пинками и тычками разнял баб. Берберка опомнилась первая. Но блондинка не хотела подниматься, она скорчилась на полу, ее руки судорожно дергались.

Норман, вполне владея собой, встал перед Клерфейтом. Тот пожал плечами.

— Зачем... лучше сразу...

Норман помедлил, хотел еще что-то сказать, но отошел и заговорил с Равиком.

Выбор пал на пистолеты Равика. Польский барон, по просьбе того же Равика, шагами отмерил во дворе дистанцию. Все считали стычку не слишком серьезной и продолжали болтать о пустяках. Ведь дело самое заурядное: бестактность, которую принято улаживать таким вот способом, — оба промажут,

обмениваются рукопожатием, и инцидент будет исчерпан. Как зажгут свет, нужно стрелять.

Клерфейт прошел на свое место. Он видел, что Норман ждет от него объяснения и медлит стать напротив. Но ладонь сомкнулась вокруг прохладной стали, как вокруг дружеской руки.

Прозвучала команда. Вспыхнула лампа, тускло осветила двор. Клерфейт стоял неподвижно, пока Норман не выстрелил. Потом медленно поднял оружие и послал пулю напрямиком в известково-белый лоб впереди.

Очувтившись на улице, он на секунду задумался, не стоит ли пойти к Гэм. Но сразу же проверил себя: кровь бунтует? Неужто? Он знал, что властвовать другим человеком можно, только властвуя собой. На свете нет ничего беспощаднее любви; потеряешь свободу чувств — потеряешь и того, кому приносишь их в жертву. Отрекаясь от себя, разом попадаешь в зависимость. Все нежные, кроткие желания — обман и западня. Необходимо всегда быть начеку, иного не дано.

Отпустив машину, он твердым шагом направился к гостинице, чтобы привести в порядок свои дела. Рассеянно написал письмо,

заполнил два чека. Потом решил провести вечер в баре.

Бармен украдкой подослал к нему девицу. Клерфейт это заметил и выплеснул своднику в физиономию свой абсент. Глаза у бармена сверкнули яростью, Клерфейт взглядом убил этот гнев и ощутил холодное удовлетворение, когда бармен, злобно бормоча, отвернулся. Но в следующую секунду Клерфейт испугался: откуда вдруг это удовлетворение? Отчего власть над другими уже не казалась совершенно естественной? Может быть, оттого, что он не властвовал собой? Он подозвал девицу.

Но абсент был пресен, шлюха похотлива. Клерфейт смотрел в пространство перед собой и думал: почему он избегает опасности? Ведь теперь он точно знал, что избегает ее и что это действительно опасность. Он бросил на стойку деньги, свистом подозвал автомобиль и поехал к Гэм.

Он завел разговор о безразличных вещах и сразу же почувствовал то, чего желал. Гэм стояла перед ним, тоненькая, стройная. Внимательно смотрела на него, а потом позвонила и велела коридорному принести содовой со льдом. Клерфейт ломал себе голову: отчего он не уступил первому побуждению